

Н. Е. Лихина

МОТИВ ДЕНЕГ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Мотив денег в современной отечественной прозе и драматургии рассматривается в его характерологическом, аксиологическом, онтологическом значении. Вопрос раскрывается на примере произведений В. Распутина, А. Вампилова, В. Пелевина, Р. Сенчина.

This article considers the motif of money in contemporary Russian prose and drama in the framework of its characteristic, axiological, and ontological meaning. The problem is examined through the examples of the works by V. Rasputin, V. Pelevin, and R. Senchin.

Ключевые слова: мотив, деньги, аксиология, постмодернизм.

Key words: motif, money, axiology, postmodernism.

Принято считать, что в мировой классической литературе финансовое положение героев зачастую становится основой фабулы и сюжета, стержнем проблематики, формообразующим принципом («Мадам Бовари» Г. Флобера, «Пиковая дама» и «Скупой рыцарь» А. С. Пушкина, «Идиот» Ф. М. Достоевского, «Бедность не порок» и «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А. Н. Островского и др.) [1–5].

Замечено, что герои классической мировой литературы функционируют в мире объявлений: «Продам учителя. Иуда»; «Куплю любовь. Рогожин»; «Продам себя. Соня Мармеладова»; «Продам эликсир молодости. Мефистофель»; «Куплю 12 стульев. Остап Бендер». Действительно, в мотивной структуре традиционной литературы деньги бывают заменой счастью, любви, смыслу жизни. В современной культуре все гораздо жестче, без альтернативы, вместо духовной составляющей на первый план выходит материально-вещное в денежном эквиваленте. В русской литературе в целом идея денег находится все-таки на периферии общего смысла и в большинстве случаев выполняет несюжетообразующую, вспомогательную функцию. В современном же искусстве деньги движут сюжет. Например, в кинофильме режиссера Гуги Омарова «Баксы» деньги выступают не только как таковые, но и наделяются коннотативным значением: в переводе с казахского «баксы» – шаман, а это «профессия» главной героини. В плане интерференции деньги осмысливаются здесь как демон современной жизни. К. Райкин в «Сатириконе» поставил А. Н. Островского: «Деньги» значатся в афише как «криминальная сказка» по пьесе «Не было ни гроша, да вдруг алтын». «Легкий психоз денег тут властен над всеми. Старая шансонетка “Всюду деньги, деньги, деньги, всюду деньги, господи” служит лейтмотивом “криминальной сказки”» [6, с. 19].

Мотив денег, реализуемый в разных сегментах литературного потока, может быть осмыслен в нескольких различных планах.

На семантическом уровне необходимо отметить многообразие значений лексемы *деньги* в ее деривационном разбросе. Например, *деньги* – зарабатываются нелегким путем; *деньжат* можно «срубить по-легкому»; к *деньжищам* – боязливое отношение, поскольку в генетической памяти народа сохранилось представление о том, что большие деньги нажиты нечестно («трудом праведным не нажить палат каменных»); *денежка* – нечто ничтожно-малое, но приятное, умаление без уничтожения.

Мотив денег часто имеет символическое значение. Например, название утеса «Денежкин камень» в романе А. Иванова «Золото бунта» символично, так как служит ориентиром для героев, одержимых поиском пугачевского золота [7]. Следует отметить характерную фамилию популярного автора сетературы Ирины Денежкиной и не менее характерное название ее книги «Дай мне», в котором заключен интенциональный императив. Что дай? Любовь, счастье, покой, истину? Нет. Все имеет свой денежно-вещевой эквивалент¹.

Драматическая природа мотива денег проявляется в ранней повести В. Распутина «Деньги для Марии», сюжет которой тоже реализуется на принципе «дай мне». Кузьма, муж продавщицы сельского магазина Марии, у которой ревизор обнаружил большую недостачу (в 100 рублей),

¹ Ср. также названия произведений С. Минаева «Духless, или Повесть о ненастоящем человеке»; «The телки, или Повесть о ненастоящей любви», где включение частей иноязычных слов в русские лексемы отвечает принципу «все на продажу».

ищет у односельчан денег, претерпевая унижение и презрение для спасения жены. Не случайно у героини библейское имя Мария. Сон Кузьмы о том, как земляки собрали «деньги для Марии», причем на каждого пришлось по 4 рубля 40 копеек, тоже имеет знаковый характер. Примечательно, что деньги в повести указываются в точных цифрах: Чижовы подкараулили Витьку, сына Кузьмы и Марии, и передали 4 рубля 80 копеек; дед Гордей принес 15 рублей, учитель Евгений Николаевич снял со сберкнижки 100 рублей («У меня там сотня и есть. Все сниму»); только тетка Наталья отдала свои похоронные («гробовые») в свертке, завернутом в красную тряпицу, неизвестно сколько, и в этой детали прослеживается характерная неопределенность. Председатель колхоза выписал денежную ссуду, и Кузьма получил ее в бухгалтерии («Все деньги были трешками и рублями») [8].

Отношение к деньгам на уровне русской национальной ментальности носит двойственный характер. Любопытны данные социологического опроса, в свое время проведенного в США и России, о том, что предпочтет население: бесплатную распродажу в супермаркете или высадиться на Марсе. Понятно, кто что выбрал. В национальном сознании русского человека совместились, с одной стороны, мечта о халяве: неразменный рубль как идефикс, с другой — глубоко заложена мысль о том, что деньги не выше человека, неслучайно в народном обиходе есть выражение: «Не дороже денег». Эта традиция реализуется в известном тезисе Ивана Карамазова: «Русскому человеку не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить».

А. Вампилов в своих пьесах, намеренно обозначая аксиологические понятия в денежном выражении и прямо называя суммы, обесценивает их материальную сущность. Например, в пьесе «Прощание в июне» внешний и внутренний сюжеты связаны с проблемой истинности жизни и ее имитации. Драма героя произведения Николая Колесова оказывается более понятной на фоне истории второстепенного персонажа, некоего Золотуева. Притча о взятке, помещенная в пьесу в качестве вставной новеллы, осложняющая сюжет и выводящая его из режима автоматического восприятия, разворачивается в историю о смысле жизни, истинных и ложных ее целях.

Как Колесов обменял любовь Тани на диплом («истинное — ложное» в вампиловских аксиологических координатах), так и Золотуев подчинил свою жизнь иллюзорной цели: доказать, что нет честных людей. Философия простая: честен тот, кому мало дают. Ревизору, посадившему его в тюрьму на 10 лет «за излишек и взятку по совокупности» [9, с. 73], надо дать столько, чтобы тот взял: например 20 тысяч, и тогда он должен признаться: «Сволочь я. Зря человека посадил» [9, с. 74].

Для Золотуева, вышедшего на свободу, деньги потеряли всякий смысл, а были богом, мерилем всего сущего. «Золотуев: Получил, значит, образование? Как это ты? Сколько дал? — Колесов (не сразу, негромко): Много дал... (Золотуеву) Много, дядя, Вам столько и не снилось» [9, с. 82].

Пьеса А. Вампилова «Двадцать минут с ангелом», в которой соединяются традиции социально-психологической русской драмы с эстетикой театра абсурда, посвящена проблеме ценностей бытия, которые искажаются в реальных человеческих отношениях. А. Вампилов не дает ответа на вопрос, действительно ли Хомутов, принимающий по первой просьбе незнакомым людям большую по тем временам сумму (100 рублей), ангел в человеческом обличье. Вместо этого внимание сосредоточивается на неадекватных реакциях персонажей на этот поступок «ангела». Угаров и Анчугин отказываются признать в Хомутове праведника, «спасителя человечества», привязывают его к стулу, связывают полотенцем, допрашивают, подвергают моральной пытке. «Анчугин: Сто рублей просто так, за здорово живешь — ну кто тебе поверит, сам посуди» [9, с. 305].

Известно, что в первом варианте пьесы действовали два туеядца с говорящими фамилиями Несудимов и Белоштан, а «ангела» звали Лопатин (почти как чеховского героя). Герои мучительно раздумывают, что имел в виду Хомутов, предлагая им деньги, если он не преследовал никаких личных целей. «Угаров: Деньги нам нужны, конечно. Перехватить у соседей рубля три, ну десятку — это понятно... — Анчугин: А этот достает сотню, сто рублей то есть... — Васюта: Господи!» [9, с. 308].

Во втором варианте пьесы ключевой становится отсылка к Ф.М. Достоевскому. В «Легенде о Великом инквизиторе» вторично пришедшего на землю Христа изолируют от людей во имя их же блага. В соответствии с этой традицией герои А. Вампилова и своего Христа готовы отправить в сумасшедший дом: зачем он их смущает? Развязка пьесы — это катарсис наоборот. Герои испытывают облегчение оттого, что Хомутов такое же ничтожество, как они, ликуют, потому что он тоже грешен, им нестерпима сама мысль о том, что кто-то лучше их. «Анчугин (с надеждой): Украл?» [9, с. 305]. Действительно, на Хомутове лежит смертельная вина перед матерью, поэтому его благородный поступок объясняется всего лишь желанием откупиться, а не искупить грех.

Концепт «деньги» часто наполняется метафорическим смыслом. Особым образом в этом плане «намагничены» тексты В. Пелевина.

Основное содержание его текстов — концепция иллюзорности бытия и осознание того, что видимый мир — это фикция. Метафорическое выражение этой иллюзорности чрезвычайно

многообразно: птицефабрика в «Затворнике и Шестипалом», компьютерные игры в «Принце Госплана», поезд в «Желтой стреле», сложные напластования реальностей в «Чапаеве и Пустоте», радужный поток в «Священной книге оборотня», виртуальная реальность в «Шлеме ужаса», миркатахреза в «Амбир 5». Но идея едина: мир — это мираж, заслоняющий от человеческого взора истинное бытие, Ничто, Пустоту, Внутреннюю Монголию. И главные ценности этого ложного мира те, которые можно приобрести по формуле «деньги — товар — деньги».

«Мрачно-эсхатологически» позиционируется «денежно-вещевое» настоящее (как иллюстрация к стихам М. Ю. Лермонтова «С печалью я гляжу на наше поколение...») в романе «Generation “П”». «Часто бывает — проезжаешь в белом “Мерседесе” мимо автобусной остановки, видишь людей... И на секунду веришь, что этот украденный у неведомого бюргера аппарат, еще не до конца растаможенный в братской Белоруссии, но уже подозрительно стучащий мотором с перебитыми номерами, и правда трофей, свидетельствующий о полной и окончательной победе над жизнью. И волна горячей дрожи проходит по телу; гордо отворачиваешь лицо от стоящих на остановке и решаешь в своем сердце, что не зря прошел через известно что и жизнь удалась» [10, с. 222].

В этом же ряду и роман В. Пелевина «Числа» из его сборника «ДПП (нн)» — о банкире Степане Аркадьевиче Михайлове, который в своих решениях полностью полагался на солнечную и лунную нумерологию. Числа (цифры) в восприятии героя наделяются особыми свойствами, сакрализуются, обожествляются, причем число существует, поскольку имеет денежное наполнение. Мир чисел является истинным, мир денег тоже, потому что их можно подвергнуть счету. Искусство, политика, экономика — ложны, потому что все можно подделать².

Даже внешность героя подчинена сакральному для него числу «34»: «У Степы был прямой, как спинка четверки, нос... его округлые и чуть выпирающие щеки напоминали о двух выступлениях тройки, и что-то от той же тройки было в небольших черных усиках, естественным образом завивающихся вверх. Он был симпатичен и напоминал чем-то покемона Пикачу, только взрослого и пуганого» [11, с. 17–18].

Как известно, В. Пелевин — писатель-аналитик, дедуктивно выстраивающий точную картину на основании миграций языка, медиаслоганов, новых анекдотов: «Что такое постмодернизм? Это когда ты делаешь куклу куклы. И сам при этом кукла. — Постмодернизм давно не актуален. — А что актуально? — Когда кукла делает деньги» [11, с. 140].

«Из ухряба в Киркук» — апокалиптическая эволюция, жуткая поэтическая метафора русского бытия. Киркук, о котором говорится в «Числах», — логический тупик этого бытия, как реальный Киркук в Иране, сметенный с лица земли американской авиацией. В. Пелевин пишет о России, у которой нет будущего. Русский путь очередной раз пройден. Не туда. «Зеленеть будем в оффшоре», — говорит Степа Пикачу, иронически вспоминая толстовский дуб [12]. «Зеленеть» — в данном случае значит оперировать переведенными в оффшорные зоны нефтедолларами.

Для героев повести Р. Сенчина «Афинские ночи» деньги тоже являются мерой всех вещей, а также человеческой сущности [13].

Три товарища, художники-неудачники, закончившие Суриковское училище, не востребованы временем. Хрон (по прозвищу Хроньш), самый талантливый, но и самый неблагополучный в материальном плане, работает в фирме по контролю за распространением ядовитой газировки. Дэн (Дэнвер) по прозвищу Синий, Синяк, Синяя дыня — оформитель в фирме, принадлежащей его отцу. Борис (прозвище Мускат) — работает в турфирме.

Герой повести Р. Сенчина живет по схеме «дом — работа — дом». Точно переданы ощущения человека, движущегося по замкнутому кругу. Необходимость сомнительной и бесперспективной работы — бродить по магазинам и контролировать продажи ядовитой газировки («отравы», «пойла», «нашего дерьма») — вступает в противоречие с художественной творческой сущностью героя, несостоявшегося художника: «Художников и без нас полно, а надо жить, чтобы что-нибудь ням-ням, выбирать надо: или искусство, или жизнь» [13]. Герой не способен осуществить себя творчески — газировку реализовывать он может, а дар художника — нет.

² Например, в одном из текстов В. Пелевина на выставке в особняке олигарха вместо картин представлены нотариальные справки, в которых значатся Суммы, за которые были куплены картины. Ценность картин Рембрандта, Ван Гога, Тициана не в их художественности, а в сумме денег, которые за них заплачены. См. также реализацию подобной идеи в московском театре «Практика» — благотворительный спектакль «Пьеса про деньги». Герои рассуждают о банковских кредитах, изучают меню московских ресторанов с заоблачными ценами, обсуждают проблему суррогатного материнства за деньги. Завязка сюжета происходит в кредитном отделе крупного банка, сотрудницы которого знают самые интимные тайны современного человека — размеры его зарплаты.

Повесть является своеобразным римейком «Утиной охоты» А. Вампилова. Герои тоже одержимы мечтой: на выходные дни «оттянуться по полной программе», и этот «праздник души» равен обретению свободы, освобождению от рутины жизни.

У каждого из героев своя мечта: «И так тянет сорваться, полететь подальше отсюда в тридцатые земли, не на море, а в лес» [13]. Борис Синяк говорит об этом же. «Жизнь проживешь, а моря настоящего не увидишь» [13]. Море, лес, поле – простор жизни, которого не хватает оказавшемуся в тисках цивилизации человечеству. Греция, Эллада, афинские ночи – это тоже простор, окно в мир, только исторический. Все мечты заканчиваются пьяным куражом в ночном клубе, грязной сценой в гостинице, после чего герой исповедуется перед женой, и весь монолог построен на жалком вымысле. Но действительность оказывается еще гаже. Человек хочет казаться хуже, чем он есть на самом деле. Герой добровольно саморазоблачился, но на место правды снова поставил ложь, выдавая желаемое за действительное, но это «желаемое», обозначенное в ничтожных суммах в валюте, еще больше обнаруживает «жалкость» настоящего: «Сняли в Измайлове номер. У Борьки кокаин был. Вечером съездили на Садовое – проститутку сняли. Возле магазина “Людмила” – классные и недорогие, за 50 долларов. Номер отличный на 12-м этаже. Портье шампанское принес, ананас, коньяк. Двадцать долларов просадил в рулетку. Дэн в долг дал. Такая, в общем, получилась ночь афинская».

Художник не погиб, он еще способен эстетически воспринимать мир, но с совестью что-то не в порядке. Милосердие, сострадание, жалость – все раздавлено жизнью. Отношение к женщине, отцовские чувства, категория мужской дружбы – все извращено, хотя и отягощено муками проснувшейся совести. Каким бы гадким ни был человек, сам он себя судит еще строже и беспощаднее, а эта способность к беспощадной самооценке стоит дороже денег.

Список литературы

1. Жданова В. Деньги и алчность в классической литературе // Литературная учеба. 2008. №2. С. 191 – 202.
2. Романова Г. И. Мотив денег в русской литературе. М., 2006.
3. Ружицкий И. В. «Деньги» Достоевского. М. 2006.
4. Дементьев В. Мани для Тани // Наш современник. 2002. №12.
5. Дубнова М. Чудо, деньги, любовь: основные ценности девяностых в популярных пьесах десятилетия // Вопросы литературы. 2002. Вып. 6.
6. Дьякова Е. Бог из банкомата. Зритель идет в «Сатирикон» на «Деньги» // Новая газета. 2010. №45.
7. Иванов А. Золото бунта. СПб., 2006.
8. Распутин В. Деньги для Марии. URL: http://bookz.ru/authoss/rasputin_valentine/den_di-d_212.html
9. Вампилов А. Избранное. М., 1999.
10. Пелевин В. Generation «П». М., 1999.
11. Пелевин В. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда // Пелевин В. Избранные произведения. М., 2003.
12. Троицкий А. «Из ухряба в Киркук». Почему Пелевин оказался в роли Толстовского актуальной России // Новая газета. 2003. 2–5 окт.
13. Сенчин Р. Афинские ночи. URL: <http://rating.rinet.ru/2000/senchin.html>

Об авторе

Н. Е. Лихина – канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канта, slavphil@newmail.ru

Author

Dr. N. Ye. Likhina, Associate Professor, IKSUR, slavphil@newmail.ru